

Глава 31

Ночь, затуманенная хмелем, подошла к концу.

Когда на следующее утро медсестра вошла в палату со стерильным лотком, Цзин Юаньци как раз осторожно подбирал с пола брошенную в беспорядке помятую одежду.

Его движения были едва слышными: Ши Цин безмятежно спал, уткнувшись лицом в подушку. Юноша невольно поморщился, чувствуя ноющую тяжесть в пояснице, и медленно раздвинул шторы, впуская в комнату утренний свет.

Он и представить не мог, что захмелевший актер окажется столь... неукротимым.

Хотя всё прошло именно так, как он желал, Цзин Юаньци не мог в полной мере насладиться триумфом: из-за раны на спине любовника ему приходилось сдерживаться. К тому же пьяный Киноимператор обладал какой-то невероятной силой — бразды правления этой ночью загадочным образом перешли в его руки.

Он чувствовал себя пахарем, который всю ночь шёл за упрямым плугом.

Собственно, уже на пятом раунде он заподозрил, что дело принимает скверный оборот. Но, боясь случайно навредить Ши Цину, юноша не решался на активное сопротивление. Да и, честно говоря, в глубине души он ловил от этого особый кайф — ведь тот, кого он так долго искал, наконец проявил инициативу.

Обычно его забавляло видеть Ши Цина нахмуренным и холодным, но такой раскрепощённый и страстный мужчина пришёлся ему по душе куда больше.

Вот только, как бы он ни был увлечён, выдержать семь раз подряд — задача не из лёгких.

Сколько бы Цзин Юаньци ни хвастался своим опытом на словах, на деле это был его первый настоящий опыт. Дебютировать в этой «игре» и сразу попасть под непрерывный натиск на всю ночь... Оказаться в роли стрелка, вынужденного обороняться подобно легендарному Чжао Цзылуну в битве при Чанбаньпо — то, что он дотянул до рассвета, уже было подвигом.

Но настоящий мужчина никогда не признает поражения.

Юноше, сменившему роль активного «нападающего» на вынужденную «оборону», пришлось остаток ночи шёпотом умасливать пьяного Киноимператора.

Раньше, чтобы обольстить кого-то, он сыпал сладкими речами. Этой же ночью он «жертвовал» ради него тем самым «инструментом», что находится ниже носа и выше подбородка, — тем,

что обычно источало лишь медовые слова.

Едва ему удалось уgomонить захмелевшего актера и тот наконец уснул, как за окном уже забрезжил рассвет.

Цзин Юаньци осторожно коснулся саднящего горла и открыл дверь палаты. Медсестра, уже привыкшая к его постоянному присутствию, лишь мельком взглянула на спящего пациента и тихо спросила:

— Господин Цзин, как самочувствие господина Ши?

— Ему лучше. Можете менять повязки.

Юноша помассировал затёкшую поясницу, изо всех сил стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение.

Изначально он планировал развеять тоску Ши Цина и заодно воспользоваться его уязвимостью. В итоге всё вышло почти так, как он задумывал. Вот только почему кажется, что «жемчужницу»-то он вскрыл, а в выигрыше остался вовсе не он?

«Наверное, просто накручиваю себя», — решил Цзин Юаньци. Зная характер Ши Цина, можно было не сомневаться: даже если в пьяном угаре тот и доминировал над партнером, проснувшись, он не выкажет ни капли самодовольства.

Затем он отправился за завтраком и лечебными пластырями.

Вскоре Ши Цина разбудил мягкий голос медсестры. Он послушно лежал на животе, пока девушка обрабатывала его спину.

В это время некий Носитель так и лучился самодовольством.

«Какая дивная ночь! Я и больничная пижама, пижама и он... Знаешь, Система, я много раз представлял, как прижму этого искусителя к кровати и покажу ему небо в алмазах, но когда дошло до дела...»

Система, которая всю ночь за неимением выбора слушала «Дао Дэ Цзин», а под утро переключилась на просмотр дорам, предположила:

«Чувства оказались не такими уж яркими?»

«Напротив. Я готов повторить это еще сотню раз».

Система: «...»

«Эх, ночь пролетела слишком быстро. Но как вспомню, как он пытался вырваться, а я прижимал его обратно... его искусанные, пунцовые губы, этот влажный взгляд... М-м-м, прелесть».

Ши Цин с упоением вспоминал, как Цзин Юаньци, оказавшись на свободе, щурился по-лисьи и вытирал губы с видом хитрого духа.

«Никогда бы не подумал, что такой напористый парень в постели будет столь послушным».

Система промолчала. Она-то понимала: истинная причина «послушания» юноши крылась в том, что Ши Цину под хмелем больше не нужно было поддерживать образ холодного и больного затворника.

«Кстати, когда я прижал его к окну, мне показалось, что он вот-вот расплечется — глаза такие красные стали. Я еще подумал: „Чего это он, я же снизу, мне и страдать“. А потом он дважды кашлянул, и я понял, что парень просто поперхнулся».

Система: «...»

«Носитель, не могли бы вы опустить детали? В мире Систем я всё еще считаюсь ребенком».

«Ты со мной уже больше двухсот лет, какой из тебя ребенок? Ладно-ладно, когда подрастешь, поделюсь подробностями. А теперь, малыш, скажи-ка, что там со степенью отторжения нашего лиса?»

При упоминании дела Система мгновенно оживилась:

[Степень отторжения Цзин Юаньци: 22/100]

Ши Цин довольно хмыкнул:

«Вот бы каждая такая ночь так радикально обрушивала этот показатель».

«Носитель может попробовать превратить это в систему!» — радостно предложила она.

«Бесполезно. Сколько бы таких ночей ни было впереди, цифры больше не упадут. У него такой тип личности: стоит получить желаемое, как он тут же перестает его ценить».

«Но ведь 22 — это уже очень мало», — возразила Система.

«Если не подстегнуть его сейчас, со временем показатель снова поползет вверх».

Медсестра тем временем аккуратно накладывала мазь. Ши Цин не чувствовал боли, поэтому просто повернул голову и спросил:

— Скажите, рана не открылась?

— Нет, господин Ши, не волнуйтесь. Травма не такая глубокая, как казалось. Если избегать резких движений, всё заживет очень быстро.

Ши Цин мысленно согласился. В конце концов, Цзин Юаньци всю ночь следил, чтобы он не переворачивался на спину, и не позволял себе движений, которые могли бы повредить рану.

«Система, чую я, наш лис скоро начнет выкидывать коленца».

«Выкидывать коленца? Но его степень отторжения...»

«Это никак не связано с цифрами. Такова его натура: добившись своего, он теряет берега. Подозреваю, если я сейчас включу холодность, он вполне может привести кого-то третьего, чтобы разжечь мою ревность».

Система: «???»

«Он что, больной? Зачем ему кто-то третий?»

«Твою логику ему не понять. Это не поиск нового партнера, это поиск инструмента. Такие люди, даже если любят, хотят, чтобы их партнер приполз к ним на коленях, вымаливая внимание. Не ведись на его недавнюю пылкость — для него это были лишь „инвестиции“. Теперь, когда он получил своё, он потребует дивидендов».

Система: «...»

Ши Цин спокойно лежал, глядя в стену:

«Нормальный человек так не поступит, но у него — явная деформация характера. Ты ведь понимаешь, о чем я?»

Систему, которая только что восхищалась прозорливостью своего Носителя, прошиб холодный пот.

«С-система... Система ничего не понимает! — заикаясь, выдала она. — Какой характер? Ничего

не слышала, ничего не видела, первый раз о таком знаю!»

«Правда не понимаешь? Его поведение — легкомыслие в чистом виде».

Система: «!!!»

«Инь Минчжэн, например, был воплощением честности».

Система: «...»

«Носитель, мы уже в другом мире. Давайте не будем ворошить прошлое, ладно?»

«А тебе разве не любопытно, как я узнал?»

Система: «картинка_с_обреченным_видом.jpg, картинка_с_обиженной_мордочкой.jpg»

В конце концов она не выдержала:

«У-у-у, Носитель, как вы догадались, что они — один и тот же человек?»

Ши Цин театрально воскликнул:

«Они — один человек?! О небеса, я и понятия не имел! Если бы ты не сказала, я бы в жизни не догадался! Спасибо, что просветила».

«Ах да, тебе ведь нельзя было мне этого говорить? Ничего страшного, я притворюсь, что не в курсе. Видишь, как удобно: я притворюсь, что не знаю, а ты и не подозреваешь, что я знаю о том, что ты думала, будто я не знаю».

Система, каждый электрон которой кричал слово «ЗНАЮ»: «???»

Она наконец не выдержала и разразилась громкими рыданиями в подсознании.

«Ну всё, не плачь. Давай вернемся к делу».

«С Цзин Юаньци всё просто: чем труднее что-то достать, тем больше он это ценит. Так что снизить его отторжение до нуля будет несложно — нужно просто сделать так, чтобы я стал для него недостижим».

Ши Цин с комфортом закрыл глаза.

«Он развлекался все эти дни, теперь настал мой черед взять реванш».

***

Когда Цзин Юаньци вернулся в коридор с пакетами еды, его лицо снова приняло привычное выражение дерзкой самоуверенности.

В этот момент из палаты вышел Цуй Юньцин. Увидев его, «наивный мальчик» радостно улыбнулся:

— Брат Цзин! Вы тоже пришли навестить учителя Ши?

— А как же. Купил ему немного рисовой каши. Всё-таки у нас с учителем Ши самые близкие отношения, кому, как не мне, о нем заботиться.

Пока Цзин Юаньци говорил, Цуй Юньцин подозрительно принюхался:

— Брат Цзин, вы пользуетесь лечебными пластырями? От вас так сильно пахнет лекарствами...

Тот невозмутимо поправил поясницу, всё еще ноющую после бурной ночи, и нацепил самую естественную улыбку:

— Да пустяки, спину немного потянул.

— Учитель Ши проснулся?

— Да, он сейчас говорит по телефону. Похоже, с кем-то из родных. Я решил выйти на минутку, подожду, пока закончит.

При упоминании семьи глаза юноши блеснули. Он сохранил беззаботный вид и весело добавил:

— Слушай, Сяо Цуй, я набрал столько еды, что не смог всё дотащить за один раз. Оставил часть пакетов на столике на первом этаже. Не сможешь принести?

— О, конечно! Без проблем! — Цуй Юньцин, как и ожидалось, легко повелся. Он натянул маску и поспешил к лифту.

Стоило парню скрыться, как Цзин Юаньци тут же бросил пакеты и прильнул к двери,

прислушиваясь к тому, что происходит внутри.

Голос Киноимператора оставался холодным, но теперь в нем отчетливо слышались неприязнь и отвращение. Он говорил непривычно длинными фразами:

— То, что я не сказал тебе о своей болезни — в порядке вещей. Когда это тебя вообще волновало? С тех пор как я ушел из дома, сколько раз ты мне позвонил?

— Довольно. Я больше не хочу об этом говорить. Всё.

Юноша услышал звук завершения вызова. Мысленно сделав пометку о содержании разговора, он решительно толкнул дверь:

— Учитель Ши.

Актер уже отложил телефон. Увидев вошедшего, он на мгновение замер, а затем с явной неохотой бросил мобильный на прикроватную тумбу.

— Кажется, вы с кем-то говорили? С кем, если не секрет?

Ши Цин поджал губы:

— С отцом.

Слово «отец» прозвучало из его уст отчужденно и официально, совсем не так тепло, как привычное «папа». Вспомнив тон подслушанного разговора, Цзин Юаньци окончательно убедился: отношения Ши Цина с семьей были из рук вон плохими.

Он вскинул бровь, и в его голове мгновенно созрел коварный план.

Пока он обдумывал свои злодейские замыслы, вернулся Цуй Юньцин:

— Брат Цзин, я проверил все столы внизу, там нет никаких вещей!

— Наверное, уборщик принял пакеты за мусор и выкинул, — не моргнув глазом, соврал Цзин Юаньци. — Кстати, Сяо Цуй, кажется, я слышал от режиссера, что у тебя сегодня утром досъемки. Почему ты всё еще здесь?

Тот растерялся:

— Досъемки? Мне никто ничего не говорил...

— Наверное, в суматохе забыли предупредить. Ты бы съездил на площадку, проверь на всякий случай, не стоит задерживать процесс. А за учителем Ши я присмотрю.

— А завтрака хватит? Может, заказать доставку?

— Не нужно. — Цзин Юаньци многозначительно посмотрел на безмолвного актера и медленно облизнул губы. — Этого хватит учителю Ши с лихвой. Я уже ел рисовую кашу. Она была... очень белой.

Ши Цин (мысленно): «И очень густой».

Система: «...»

Она вдруг поняла подтекст. Неужели она окончательно утратила свою цифровую невинность?

Из всех присутствующих только Цуй Юньцин искренне поверил, что речь идет о завтраке. Он кивнул, попрощался с Ши Цином и со спокойной душой ушел.

В палате снова воцарилась тишина. Мужчины остались одни.

— Учитель Ши, позвольте мне покормить вас.

Цзин Юаньци лучезарно улыбнулся. Ши Цин отвел в сторону руку с протянутой ложкой каши:

— Ты можешь идти.

Улыбка сползла с лица юноши.

— У нас уже «рис превратился в кашу», а вы всё еще не желаете меня принимать?

Зная, что от Ши Цина и слова лишнего не добьешься, Цзин Юаньци намеренно пошёл напролом:

— Учитель Ши, неужели я вам совсем не нравлюсь? Вы ведь жаждете моей близости, почему же не признаёте этого?

Он вел себя как леопард, который с напускным нетерпением подгоняет свою добычу.

— Учитель Ши, моё терпение тоже имеет границы.

Ши Цин ничего не ответил. Да ему и не нужно было отвечать. Он прекрасно знал, что у этого человека нет никаких границ.

Цзин Юаньци ушёл. Он не появлялся несколько дней. Но это не значит, что он бездействовал. За это время он перерыл всё прошлое Киноимператора, изучив его жизнь вдоль и поперёк. Он решил, что если хочет заставить Ши Цина принять его, нужно ударить по самому больному — по тем, кого тот ненавидел.

***

В день выписки Ши Цина Цзин Юаньци всё-таки пришёл. И не один — его сопровождал симпатичный молодой человек с тонкими чертами лица.

Это был Чэнь Жун, сводный брат Ши Цина.

Судя по собранным сведениям, их отношения всегда были враждебными. Именно из-за этого парня Ши Цин когда-то ушёл из дома, бросил карьеру в финансах и подался в шоу-бизнес. Вражда была нешуточной. Привести Чэнь Жуна, чтобы спровоцировать Ши Цина, казалось юноше блестящим ходом.

Сам он презирал Чэнь Жуна. Тот оказался парнем с непомерными амбициями: едва узнав, кто такой Цзин Юаньци, он тут же начал лебезить перед ним. Но больше всего юношу раздражало то, с каким снисхождением и презрением Чэнь Жун отзывался о брате.

— У брата очень тяжёлый характер. Он с детства меня недолюбливал, вечно придирался... Мне столько пришлось натерпеться от его выходок.

Цзин Юаньци лишь усмехнулся про себя. С характером Ши Цина — это его скорее задирали, а не он кого-то.

— Брат Цзин, вы с ним друзья, вам наверняка нелегко приходится. У вас просто золотое сердце, раз вы решили лично забрать его из больницы.

С этими словами Чэнь Жун лучезарно улыбнулся:

— Я, честно говоря, побаиваюсь брата, но раз вы рядом, мне уже не так страшно.

Тот выдавил подобие улыбки. Дешёвые трюки Чэнь Жуна на него не действовали. Теперь он окончательно понял, почему Ши Цин предпочёл лишения в шоу-бизнесе жизни наследника богатой семьи. Его сводный брат был классическим «белоснежным лотосом».

Чэнь Жун попытался было взять его под руку, но Цзин Юаньци тут же отстранился.

— Хватит ломать комедию. Дождись Ши Цина.

Чэнь Жун недовольно нахмурился, но, увидев явное раздражение на лице спутника, не решился спорить. Он был уверен в своей правоте: Ши Цин действительно задирает его в детстве. И плевать, что он сам в ответ изводил брата, пока тот не сбежал из дома.

Даже после того, как Ши Цин порвал с семьей, старик всё равно собирался оставить всё наследство родному сыну. От одной мысли об этом Чэнь Жуна душила обида. С какой стати?! Теперь, когда на него вышел старший молодой господин семьи Цзин, он обязан ухватиться за этот шанс.

Пока оба они преследовали свои скрытые цели, появился Ши Цин.

Актер выглядел окрепшим, на его лице играл здоровый румянец. Рядом с ним шёл Гао Чжи:

— Учитель Ши, осторожнее, нам сюда...

Ши Цин сделал пару шагов и замер, увидев их. В его глазах отразилось неприкрытое недоверие.

— Брат! — звонко выкрикнул Чэнь Жун. Он картинно бросился вперед и притворно-ласково вцепился в руку Ши Цина. В его взгляде читалось торжество. — Я слышал, ты попал в больницу. Мы с моим парнем пришли тебя навестить.

Стоящий рядом Гао Чжи едва не споткнулся от неожиданности. Он в полном оцепенении уставился на Цзин Юаньци:

— Брат Цзин?!

Довольный тем, как побледнел Ши Цин, Цзин Юаньци шагнул вперед:

— Да. Мы вместе.

«Ну что, теперь-то ты жалеешь?»

Человек может смириться, когда тот, кого он отверг, находит кого-то другого. Но он никогда не смирится, если этот «другой» — его заклятый враг. Он победно улыбнулся, ожидая, что Ши Цин сейчас с яростью оттолкнет руку Чэнь Жуна. Он довольно прищурился, предвкушая скорую победу.

Однако Ши Цин не оттолкнул руку брата. Он лишь стоял, смертельно бледный, переводя взгляд с одного на другого.

— Вы... вы правда вместе?

Его голос дрогнул. Такая острая реакция превзошла все ожидания Цзин Юаньци. Тот самодовольно подтвердил:

— Именно так.

Затем он с наслаждением увидел в глазах Ши Цина глубокую боль. Боль человека, у которого отобрали самое дорогое. В его темных глазах, казалось, вот-вот заблестят слезы. Вот только Ши Цин смотрел с такой невыносимой тоской вовсе не на Цзин Юаньци. Он смотрел на Чэнь Жуна.

Цзин Юаньци: «...»

Он своими глазами видел, как ресницы Киноимператора мелко задрожали, как его вечно холодное лицо исказилось от хрупкой уязвимости. Ши Цин медленно, почти не дыша, обнял стоящего перед ним Чэнь Жуна. Его чистый голос прозвучал приглушенно и надломленно:

— Брат желает тебе счастья.

Чэнь Жун: «???»

Цзин Юаньци, который сам рассчитывал нанести удар, а в итоге получил пощечину, застыл с каменным лицом. В его мозгу бешено закрутились кадры их недавней близости. Ему нравятся брови Цуй Юньцина... Ему нравится моя улыбка... Вместе эти черты складывались в образ Чэнь Жуна.

Он хотел уязвить другого, а в итоге сам оказался на месте жертвы. Слабая искра ревности мгновенно превратилась в бушующее пламя. Нить здравомыслия в голове юноши с оглушительным треском лопнула.

В ярости он одним рывком отшвырнул Чэнь Жуна в сторону и, сверкая глазами, навис над Ши Цином:

— Что это значит?! Что у тебя с ним?! Что между вами было?! Он твой сводный брат, ты хоть понимаешь, что это инцест?!

Актер резко вырвал руку:

— Что за чушь ты несешь?! Ничего у нас не было, я просто хотел...

— Даже хотеть нельзя! Хотеть — это тоже инцест!

Ошарашенный Чэнь Жун попытался схватить его за руку:

— Брат Цзин, что случилось...

Он отдернул руку так, словно его укусил крокодил.

— Слушай меня внимательно, Чэнь Жун: чтобы я тебя больше в глаза не видел! И к Ши Цину даже на шаг не подходи! Понял?!

Чэнь Жун: «???»

— Но ведь вы сами просили меня...

— Да плевать мне, что я просил! Проваливай!!!

Цзин Юаньци внезапно подхватил Ши Цина на руки и стремительным шагом направился к выходу. Он нёс его так, словно боялся, что если замедлится хоть на миг, его сокровище снова попытаются отобрать.

Растерянный Чэнь Жун лишь смотрел им вслед. И в этот момент он увидел, как Ши Цин, лежащий на плече Цзин Юаньци, чуть приподнял голову и слегка вскинул бровь. Актер не произнёс ни слова, но на его обычно бесстрастном лице тот отчетливо увидел торжествующую усмешку победителя, чей коварный план сработал безупречно.

Чэнь Жун: «...»

Он так и не понял, что именно произошло, но его не покидало чувство, что его разыграли как по нотам. Да и этот Цзин Юаньци... Сначала договаривается, а потом ни с того ни с сего впадает в безумие.

Кругом одни психи!

<http://bllate.org/book/15834/1436900>